

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

кандидат исторических наук

КАК У НАС ПЫТАЛИСЬ УКРАСТЬ ПОБЕДУ

Загадки последних часов рейхсканцелярии

На рассвете 1 мая 1945 года на командный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерал-полковника В. И. Чуйкова прибыл начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал от инфантерии Ганс Кребс. Немецкий генерал передал Чуйкову документ о своих полномочиях, подписанный Борманом, и “Политическое завещание” Гитлера. Одновременно Кребс вручил Чуйкову письмо к Сталину от нового рейхсканцлера Германии Геббельса. В нём говорилось: “Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушёл из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс”.

Наиболее существенные детали состоявшихся затем переговоров и последовавших за ними событий в тот день были неоднократно описаны в мемуарах и книгах по истории. Они были изображены по меньшей мере в десятке отечественных и зарубежных фильмов. Кажется, что рассказ об этих последних часах битвы за Берлин является исчерпывающим. Однако их внимательное изучение заставляет усомниться в том, всё ли нам известно о том, как на самом деле происходила агония Третьего рейха.

Почему эти переговоры не привели к капитуляции Германии 1 мая? По какой причине через несколько часов после прибытия Кребса с письмом от Геббельса автор письма, его жена, их дети, а также его посланец к Чуйкову расстались с жизнью? Куда бесследно исчез Борман, уполномочивший Геббельса “установить связь с вождём советского народа”? Чтобы попытаться найти ответы на эти вопросы, следует указать на ряд событий, происшедших до 1 мая 1945 года.

В поисках сепаратного мира

Направляя Кребса к Чуйкову, Геббельс мог вспомнить о своих предыдущих попытках начать переговоры с СССР о мире. Уже поражение немецких войск на Курской дуге и капитуляция Италии заставили его задуматься о не-

избежности поражения Германии. Находясь в ставке Гитлера в Растенбурге, Геббельс записал 10 сентября 1943 г. в дневнике суть своих рассуждений о сепаратном мире: “Перед нами стоит проблема, к какой стороне мы должны повернуть сначала — к русским или к англо-американцам. Мы должны признать, что будет трудно вести войну против тех и других одновременно”. В беседе с Гитлером Геббельс спросил фюрера, “не стоит ли что-либо предпринять по отношению к Сталину”. По словам Геббельса, Гитлер “ответил, что пока ничего не надо делать. Фюрер заявил, что было бы легче договориться с англичанами, чем с Советами. В настоящее время, верит фюрер, англичане могут легче придти в себя”.

22 марта 1945 г. Геббельс вновь предложил Гитлеру “побеседовать с представителем Советского Союза” и опять получил отказ.

К этому времени рейхсминистерство иностранных дел во главе с Иоахимом фон Риббентропом уже не раз пыталось начать сепаратные переговоры с западными державами. С этой целью в Ватикан был направлен статс-секретарь рейхсминистерства Вайцзекер, в Швейцарию — советник рейхсминистерства фон Шмиден, а в марте 1945 г. в Стокгольм был направлен сотрудник Риббентропа Хессе. Все эти миссии окончились провалом, что вызвало злорадность Геббельса, ни в грош не ставившего Риббентропа и его министерство.

Тогда же Геббельс высмеивал появившиеся в западной печати сообщения о том, что инициатива мирных переговоров исходит от Генриха Гиммлера. 17 марта Геббельс писал: “Просто смешно, что в подобных сообщениях гарантом мира со стороны Германии вместо фюрера называют Гиммлера. Утверждается, что могущественная германская клика предложила голову фюрера в качестве залога. В этом, конечно, нет ни слова правды”.

Лишь через месяц с лишним Геббельс понял свою ошибку. Тогда выяснилось, что Гиммлер давно вёл такие переговоры через начальника зарубежной разведки СС Шелленберга, который установил контакт с представителем Международного Красного Креста графом Бернадоттом в Швеции. Одновременно через генерала Вольфа Гиммлер вёл переговоры в Швейцарии с руководителем Бюро стратегических служб США (в последующем ЦРУ) Алленом Даллесом и представителями английской разведки. В гитлеровском руководстве сторонниками сепаратного мира с западными державами являлись также Герман Геринг и Альберт Шпеер.

Чей флаг будет водружён над рейхстагом?

Впрочем, Геббельс признавал в дневнике: момент для сепаратного мира был упущен. В это время в повестку дня встал вопрос: кто будет брать Берлин? От этого во многом зависела расстановка сил в Европе и мире. Западные союзники, особенно Великобритания, предпринимали упорные попытки для того, чтобы не допустить усиления позиций СССР.

1 апреля премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал президенту США Ф. Д. Рузвельту: “Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах досягаемости, мы, несомненно, должны его взять”.

Английский премьер думал не только о соображениях престижа. В эти же дни командующий британскими вооружёнными силами в Европе фельдмаршал Монтгомери получил секретную директиву от Черчилля: “Тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было раздавать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось”. Видимо, Черчилль был готов направить армии союзников вместе с немецко-фашистскими войсками, чтобы ударить по Красной армии и выбить её из Центральной Европы.

Ещё 29 марта Геббельс записал в дневнике: “Монтгомери в своём заявлении подчеркнул намерение по возможности пробиться к столице рейха”.

Одновременно Геббельс признавал: “Вероятно, соответствует истине, что, как заявляют американские агентства печати, противник овладел мостами через Майн из-за предательства. Среди наших руководящих лиц на Западном фронте действительно есть такие элементы, которые хотели бы как можно скорее прекратить войну на западе и поэтому прямо или косвенно играют на руку Эйзенхауэру”.

Реализации планов союзников способствовали также их тайные переговоры с деятелями из германского руководства, включая Гиммлера. Эти переговоры стали предметом переписки между Сталиным и Рузвельтом, в которой советский руководитель не без оснований обвинил союзников в вероломстве.

Эти обвинения Сталина были направлены Рузвельту, хотя в своём послании от 3 апреля советский руководитель писал: “Мне непонятно... молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам”. Было очевидно, что сам Сталин считал бесполезным занятием читать мораль Черчиллю, который проявлял особую активность, чтобы ослабить позиции СССР. В то же время резкие слова, обращённые к президенту США, имели определённую цель: Сталин давал понять, что, нарушая союзнические обязательства в Европе, Соединённые Штаты ставят под угрозу выполнение союзнических обязательств, взятых СССР в Ялте об участии в военных действиях против Японии. Ведь этого Рузвельт добивался от СССР с конца 1941 года.

Сталин достиг своей цели. США прервали переговоры с представителями немецкого военного командования. В своём послании, полученном в Кремле 13 апреля, Рузвельт благодарил Сталина за “искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблэк и отошёл в прошлое, не принеся какой-либо пользы”. Рузвельт выражал надежду на то, что в будущем “не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать”. Он выражал уверенность, что “когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся”.

Однако в тот же день в Москву пришла весть о кончине Рузвельта, и Сталин направил новому президенту США Трумэну “глубокое соболезнование”, оценивая покойного как “величайшего политика мирового масштаба”.

Помимо дипломатических мер советское руководство принимало военные усилия для того, чтобы сорвать попытки украсть Победу у нашего народа. 1 апреля, в тот день, когда У. Черчилль направил послание Ф. Рузвельту, к И. В. Сталину были вызваны командующие фронтами Г. К. Жуков и И. С. Конев. По воспоминаниям И. С. Конева, генерал армии Штеменко “прочёл вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии... Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идёт вовсю. После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне: “Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?” Конев писал: “Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил: “Берлин будем брать мы и возьмём его раньше союзников”.

Тем временем сопротивление немцев на Западном фронте практически прекратилось. 16 апреля, в день начала Берлинской операции, Жуков сообщил Сталину, что, судя по показаниям военнопленного, немецкие войска получили задачу решительно не уступать русским и биться до последнего человека, если даже в их тыл выйдут англо-американские войска. Узнав об этом сообщении, Сталин, обратившись к Антонову и Штеменко, сказал: “Нужно ответить товарищу Жукову, что ему, возможно, не всё известно о переговорах Гитлера с союзниками”. В телеграмме говорилось: “Не обращайтесь на показания пленного немца. Гитлер плетёт паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путём взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это сделаем”.

Разрубая паутину

Наступление на Берлин силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, начатое 16 апреля, привело к тому, что советские войска 21 апреля оказались в пригородах столицы Германии.

В это время нацистские руководители прилагали усилия для того, чтобы направить все силы на борьбу с Красной Армией. 22 апреля Гитлер принял предложение генерала Йодля о переброске вновь сформированной 12-й армии генерала Венка и 9-й армии генерала Буссе с Западного фронта на Восточный. Эти армии должны были двигаться в южные пригороды Берлина и, соединившись там, нанести удар по войскам 1-го Украинского фронта.

Конев вспоминал: “Распоряжения Гитлера в этот период, все его усилия деблокировать Берлин, все отданные на этот предмет приказания – и Венку, и Буссе, и командующему 3-й армией Хенрици, и Шёрнеру с его группой войск, и гросс-адмиралу Дёницу, который, по идее, должен был прорваться к Берлину с моряками, – всё это при сложившемся соотношении сил не имело под собой реальной базы. Но в то же время неправильно было бы рассматривать такие попытки как заведомый абсурд. Это мы своими действиями (и предшествовавшими, и теми, которые развёртывались уже в ходе боёв за Берлин) сделали их не реальными. Замыслы Гитлера не рухнули бы сами собой. Они могли рухнуть только в результате нашего вооружённого воздействия. Именно успехи советских войск, добытые в нелёгких боях за Берлин, с каждым днём, с каждым часом всё более обнажали иллюзорность последних надежд, планов и распоряжений Гитлера”.

Сознавая неизбежность краха, соратники Гитлера спешили договориться с союзниками о капитуляции. 23 апреля в бункер Гитлера поступила телеграмма от Геринга, который находился в Оберзальцберге. Геринг писал фюреру, что, поскольку тот решил остаться в Берлине, он, Геринг, готов принять “на себя общее руководство рейхом”. К этому времени Геринг решил лететь к Эйзенхауэру, чтобы капитулировать перед англо-американскими войсками. Получив послание Геринга, Гитлер пришёл в ярость и тут же приказал снять Геринга со всех занимаемых им постов. Вскоре Геринг был взят под стражу, а Борман подготовил сообщение об отставке Геринга с поста руководителя люфтваффе из-за обострения сердечного заболевания.

В своих воспоминаниях министр вооружений Германии Альберт Шпеер рассказал о беседе с Гиммлером, состоявшейся под Гамбургом после ареста Геринга. По словам Шпеера, Гиммлер не придавал значения случившемуся. Он говорил: “Сейчас Геринг станет преемником. Мы давно с ним договорились, что я буду у него премьер-министром. Даже без Гитлера я сделаю его (Геринга) главой государства... Естественно, принимать решения буду я. Я уже вступил в контакт с рядом лиц, которые войдут в мой кабинет”.

Гиммлер был уверен в прочности своего положения и своей незаменимости. Он изрекал: “Европа не сможет справиться без меня в будущем. Я буду нужен как министр полиции. Мне достаточно провести час с Эйзенхауэром, и он это поймёт. Они скоро осознают, что они зависят от меня. Иначе их ждёт безнадежный хаос”.

21 апреля Гиммлер тайно от Гитлера вёл переговоры с директором шведского отдела Всемирного еврейского конгресса Норбертом Мазуром, пытаясь наладить через него контакт с Эйзенхауэром, чтобы капитулировать на Западном фронте. В обмен Гиммлер согласился освободить заключённых евреев из ряда концентрационных лагерей. Так была достигнута договорённость об освобождении тысячи евреев из Равенсбрюка под предлогом их польского происхождения.

23 апреля Гиммлер встретился в Любеке с графом Бернадоттом в консульстве Швеции. По воспоминаниям Шелленберга, Гиммлер сказал графу: “Нам, немцам, остаётся провозгласить себя побеждёнными, и я прошу передать мои слова через шведское правительство генералу Эйзенхауэру, чтобы все мы могли избежать дальнейшего ненужного кровопролития. Для нас, немцев, и в особенности для меня, невозможно капитулировать перед русскими. Против них мы будем продолжать сражаться, пока на место немецкого фронта не встанет фронт западных держав”.

Шелленберг вспоминал: “Гиммлер указал, что имеет право принимать решение по этому вопросу, так как гибель Гитлера – дело двух-трёх дней.

По крайней мере Гитлер погибнет в борьбе, которой он посвятил свою жизнь – борьбе против большевизма”. Тогда же Гиммлер написал письмо министру иностранных дел Швеции Христиану Гюнтеру с просьбой передать декларацию Гиммлера о прекращении войны руководству англо-американских войск и правительствам США и Великобритании.

В своих воспоминаниях Б. Л. Монтгомери писал, что 27 апреля он узнал от военного министерства Великобритании об этом предложении Гиммлера. Фельдмаршал писал: “Гиммлер утверждал, что Гитлер безнадежно болен, а он (Гиммлер) находится в положении, позволяющем ему взять всю полноту власти в свои руки”. Хотя Монтгомери утверждал, что он “не придал большого внимания этому сообщению”, он замечал далее: “Продолжавшееся русское наступление было более опасным, чем разбитые немцы. Я знал, что с немцами практически покончено. Самая существенная и непосредственная задача состояла в том, чтобы со всей скоростью двигаться на запад и прорваться к Балтийскому морю, а затем создать фланг, повернутый на восток. Это было единственным способом не пустить русских в Шлезвиг-Голштинию, и таким образом – в Данию”. В общем, готовность Гиммлера капитулировать на западе вполне отвечала планам Монтгомери.

Однако разгром Красной армией основных сил германских войск в Берлинском сражении, окружение Берлина, выход советских войск к Эльбе свидетельствовали о провале попыток ряда руководителей западных держав, и прежде всего Черчилля, ослабить значение советских успехов. 25 апреля состоялись встречи советских воинов с американскими солдатами в районе Стрела и Торгау на реке Эльба. Эти встречи превратились в яркую демонстрацию солидарности народов антигитлеровской коалиции. Это событие было отмечено приказом Верховного Главнокомандующего и салютом в Москве. Сталин, Черчилль и новый президент США Трумэн заранее приурочили к этому ожидавшемуся событию свои выступления по радио. Эти речи, переданные по радио 27 апреля 1945 г., продемонстрировали всему миру единство союзников по антигитлеровской коалиции. В этих условиях ведущие деятели западных стран, прежде всего, США решили не обострять отношения с Советским Союзом, стремясь обеспечить участие Красной армии в войне против Японии.

В книге военных мемуаров “Крестовый поход в Европу” генерал Дуайт Эйзенхауэр писал, что по мере завершения военных действий в Европе “подошло время взяться за выполнение второй задачи. По всему миру силы союзников привлекались для операции против восточного союзника держав оси. Россия официально всё ещё находилась в состоянии мира с японцами”. Эйзенхауэр подчёркивал, что в США с надеждой восприняли “информацию”, согласно которой “генералиссимус Сталин говорил Рузвельту в Ялте, что в пределах трёх месяцев со дня подписания капитуляции Красная армия вступит в войну с Японией”. Поэтому американцы не только стремились не обострять отношений с СССР, но и старались ускорить капитуляцию Германии, чтобы быстрее стал истекать трёхмесячный период до вступления Советского Союза в войну с Японией. Эта позиция американского правительства повлияла в конечном счёте и на политику Великобритании, хотя тайная директива Черчилля для Монтгомери относительно немецких солдат и их оружия не была отменена.

25 апреля, в день встречи советских и американских войск на Эльбе, министр иностранных дел Великобритании А. Иден и государственный секретарь США Э. Стеттиниус сообщили У. Черчиллю и Г. Трумэну о предложениях Гиммлера. Премьер-министр Великобритании и президент США расценили их как попытку посеять раздор между союзниками. Они заявили, что капитуляция возможна лишь перед всеми тремя союзниками одновременно.

Через два дня, 27 апреля на неофициальной встрече английской делегации, прибывшей в Сан-Франциско для участия в учредительной конференции Организации Объединённых Наций, Антони Иден как бы невзначай заметил: “Кстати... из стокольмских источников нам стало известно, что Гиммлер сделал через Бернадотта предложение о безоговорочной капитуляции Германии перед американцами и нами. Разумеется, мы сообщили об этом русских”.

Умело организованная “утечка информации” была тут же подхвачена средствами массовой информации. Присутствовавший на этой встрече директор Британской информационной службы в Вашингтоне Джек Уинокавр передал эту новость Полу Рэнкину из агентства Рейтер, но просил не указывать её источник. Рано утром 28 апреля эта новость появилась в лондонских газетах.

В 9 часов вечера 28 апреля из радиопередачи Би-Би-Си Гитлер узнал о переговорах Гиммлера с графом Бернадоттом. По словам знаменитой лётчицы Третьего рейха Ханны Рейч, только что прилетевшей в Берлин, Гитлер “побагровел, и его лицо исказилось до неузнаваемости”. Рейч, отличавшаяся склонностью произносить длинные и эмоциональные монологи, впоследствии красочно описала этот приступ ярости фюрера. Гитлер в бешенстве кричал о низком предательстве человека, которому он доверял больше всех. Он объявил о лишении Гиммлера всех его званий. Рейч потом не раз повторяла приказ Гитлера, отданный им ей и Риттеру фон Грейму, только что назначенному вместо Геринга главнокомандующим военно-воздушными силами Германии: немедленно вылететь из Берлина, чтобы “арестовать Гиммлера как предателя”.

Выполнить это было нелегко: фон Грейм был ранен в ногу и передвигался на костылях. Поэтому хотя он был посажен на борт лёгкого самолёта, его повела Ханна Рейч. Взлетев на улице у Бранденбургских ворот под огнём советской зенитной артиллерии, Рейч сумела вырваться из осаждённого Берлина и направила самолёт в Плён, где располагалась штаб-квартира Дёница.

В это время, как писали авторы биографии Гиммлера Роджер Мэнвелл и Генрих Френкель, “в Плёне Дёниц... и Гиммлер... делили власть”. По свидетельству Шверина фон Крозига, который затем занял пост министра иностранных дел в последнем правительстве Германии, эти двое в конце концов договорились, что “будут верно служить признанному преемнику Гитлера, причём Дёниц явно рассчитывал, что место фюрера займёт Гиммлер, а сам он станет рейхсфюрером”.

Дёниц не получил чёткого указания из Берлина об аресте Гиммлера, а лишь туманное распоряжение Бормана: “Немедленно и безжалостно покарать изменников”. Р. Мэнвелл и Г. Френкель подчёркивают: “Только Грейм имел недвусмысленный приказ арестовать Гиммлера, однако он не мог его выполнить без поддержки Дёница, а тот всё ждал, что Гиммлер вот-вот сам станет фюрером. Нет никаких сведений о том, как прошла встреча Грейма с Дёницей, что они сказали друг другу, какое решение приняли”. Очевидно одно: приказ Гитлера не был выполнен.

В Берлине же козлом отпущения был избран представитель Гиммлера в бункере Германн Фегеляйн. Он пытался скрыться, был обнаружен в штатской одежде в своей квартире в берлинском квартале, который вот-вот должны были занять советские войска, и был приведён в бункер. То обстоятельство, что Фегеляйн был женат на сестре Евы Браун, не спасло его. 28 апреля он был расстрелян в саду рейхсканцелярии.

Вечером 28 апреля Гитлер вызвал к себе всех обитателей бункера, в котором он жил последние дни, и предложил им всем покончить жизнь самоубийством. В ночь с 28 на 29 апреля Гитлер зарегистрировал свой брак с Евой Браун. На свадебной церемонии все молчали, за исключением Геббельса, который пытался развлекать новобрачных и гостей.

В 4 часа утра 29 апреля Гитлер заверил подготовленные им личное и политическое завещания. В них Гитлер объявлял о своём решении “остаться в Берлине и принять добровольно смерть в тот момент, когда буду уверен, что резиденция фюрера и канцлера не может быть больше удержанной”.

Гитлер назначал гросс-адмирала Дёница рейхспрезидентом Германии, военным министром и главнокомандующим ВМС. Рейхсканцлером Германии был назначен Й. Геббельс, а министром по связи с партией — М. Борман. Главнокомандующим сухопутными силами стал командующий группой армий “Центр” генерал-фельдмаршал Шёрнер. Гитлер требовал “от всех немцев, всех национал-социалистов, мужчин и женщин и всех солдат вооружённых сил, чтобы они оставались верными долгу и до самой смерти подчинялись новому правительству и его президенту”.

Он также объявлял том, что “Геринг, Гиммлер и их секретные переговоры с врагом, ведшиеся без моего ведома и против моей воли, а также их преступная попытка захватить государственную власть, помимо неloyальности лично ко мне, нанесли неисчислимый вред стране и всему народу”. Он исключал из партии Германа Геринга и Генриха Гиммлера, снимал их со всех государственных постов. В одном месте завещания Гитлер, не называя Геринга и Гиммлера по фамилиям, упомянул “презренных тварей”, которые подорвали “сопротивление” противнику.

“Политическое завещание” Гитлера было заверено четырьмя свидетелями: Йозефом Геббельсом, Мартином Борманом, генералом Вильгельмом Бургдорфом и генералом Хансом Кребсом. Три копии этого завещания были направлены 29 апреля Дёницу и Шёрнеру с тремя курьерами, которые должны были преодолеть позиции советских войск.

30 апреля в 14.25 войсками 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта была взята основная часть здания рейхстага. В 14.30 Гитлер предоставил Вейдлингу свободу действий и разрешил осуществить попытку прорыва из Берлина. А через час Жукову сообщили, что над рейхстагом разведчики сержант М. А. Егоров и сержант М. В. Кантария водрузили Красное знамя. Через двадцать минут после этого события Гитлер застрелился.

И всё же, как писал Конев, “немцы, уже явно обречённые в эти дни на поражение, продолжали... упорно драться, используя каждую нашу оплошность. В целом же к концу 30 апреля положение берлинской группировки врага стало безнадёжным. Она оказалась фактически расчленённой на несколько изолированных групп. Имперская канцелярия, из которой осуществлялось управление обороной Берлина, после потери узла связи главного командования, находившегося в убежище на Бендерштрассе, лишилась телеграфно-телефонной связи и осталась с плохо работающей радиосвязью”.

Военный корреспондент П. Трояновский написал, как ночью 1 мая “на участке части полковника Смолина вдруг появился немецкий автомобиль с большим белым флагом на радиаторе. Наши бойцы прекратили огонь. Из машины вышел немецкий офицер и сказал одно слово: “Капитуляция...” Его поняли, приняли и проводили в штаб. Офицер заявил, что вновь назначенный начальник генерального штаба генерал Кребс готов вступить к Советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона. Советское командование согласилось принять Кребса...”

Два военных атташе

Очевидно, что в последние дни Гитлер уже не рассчитывал на военный успех, но надеялся уцелеть с помощью дипломатических манёвров. Возможно, этим объяснялась отставка с поста начальника штаба сухопутных войск Германии видного военачальника, практика и теоретика танковой войны Гейнца Гудериана. 28 марта вместо него был назначен генерал от инфантерии Ханс Кребс. Хотя Геббельс ничего не говорил о воинских талантах Кребса, он был удовлетворён этим выбором, назвав его “превосходным человеком”, который “был нашим военным атташе в Москве”.

Кребс блестяще говорил по-русски и был лично знаком с советскими военачальниками в период его работы в качестве помощника военного атташе в Москве вплоть до июня 1941 года. В Берлине хорошо знали и о примечательном эпизоде из деятельности Г. Кребса. Исполняя обязанности военного атташе, он присутствовал на проводах министра иностранных дел Японии Мацуоки после подписания советско-японского договора о нейтралитете. Стремясь подчеркнуть верность СССР взятым на себя обязательствам по этому договору, И. В. Сталин и В. М. Молотов лично прибыли на вокзал и тепло приветствовали Мацуоку. В то же время советские руководители постарались продемонстрировать свою готовность соблюдать и договоры 1939 года, подписанные между СССР и Германией.

В правительственной телеграмме в Берлин посол Германии Шуленбург писал 13 апреля 1941 г., что во время церемонии проводов И. В. Сталин “громко спросил обо мне и, найдя меня, подошёл, обнял меня за плечи и сказал: “Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!” Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: “Мы остаемся друзьями с Вами в любом случае”. Комментируя эти слова Сталина, Шуленбург писал: “Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлёк всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом”.

Не исключено, что не служба Кребса в различных штабах армий и групп армий с 1941-го по 1945 г., а его опыт военного дипломата в СССР были прежде всего востребованы руководством Третьего рейха весной 1945 года.

В это же время Геббельс принялся изучать биографии тех, кто командовал Красной Армией, уже вступившей на землю Германии. 16 марта 1945 г. Геббельс писал: “Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убеждёнными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В своём большинстве это дети рабочих, сапожников, мелких крестьян и т.д. Короче говоря, я вынужден сделать неприятный вывод, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более хороших народных слоёв, чем наши собственные”.

Возможно, что интерес Геббельса к советским маршалам и генералам был вызван не только желанием посрамить собственных военачальников. Судя по содержанию его дневника, Геббельс в это время интересовался прежде всего делами, имевшими практическое значение для Германии. Не исключено, что он хотел лучше узнать о тех, с кем хотел вступить в переговоры.

Биография Василия Ивановича Чуйкова вполне отвечала тем общим представлениям о советских военачальниках, которые вынес Геббельс из знакомства с их биографиями. Рождённый в крестьянской семье в селе Серебряные Пруды Веневского уезда Тульской губернии (ныне Московской области), будущий Маршал Советского Союза начал свою трудовую жизнь слесарем в Петрограде.

В декабре 1917 г. Чуйков поступил в учебный минный корпус в Кронштадте, затем вступил в ряды Красной армии. Он закончил Гражданскую войну с четырьмя ранениями на должности командира стрелкового полка. С мая 1942 г. В. И. Чуйков – активный участник Великой Отечественной войны. Под его командованием сражалась в Сталинграде знаменитая 62-я (позднее 8-я гвардейская) армия. Затем войска “чуйковской” армии освобождали Правобережную Украину, Белоруссию, участвовали в блистательной Висло-Одерской операции.

Возможно, что Геббельс обратил внимание не только на боевой опыт В. И. Чуйкова, но и на его образование, позволившее ему поработать в дипломатической сфере. После завершения учёбы в Военной академии имени М. В. Фрунзе Чуйков закончил восточный факультет той же академии. В 1940 году он стал военным атташе в Китае и оставался там до начала 1942 г., то есть в период нашей активной помощи этой стране в её борьбе против японской агрессии. Так Чуйков обрёл дипломатический опыт в сложных и тонких делах Дальнего Востока.

Вероятно, направляя бывшего военного атташе в Москве генерала Ганса Кребса на командный пункт к Чуйкову, Геббельс знал, что советский генерал-полковник имел хорошую подготовку для ведения международных переговоров.

1 мая 1945 года на командном пункте В. И. Чуйкова

Узнав от В. И. Чуйкова о прибытии Х. Кребса, Г. К. Жуков приказал генералу армии В. Д. Соколовскому прибыть “на командный пункт В. И. Чуйкова для переговоров с немецким генералом”. Одновременно Жуков связался по телефону со Сталиным. Реагируя на сообщение о самоубийстве Гитлера, Сталин сказал: “Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым”. Одновременно Сталин приказал: “Передайте Соколовскому. Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, – не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад”.

Жуков далее писал о звонке Соколовского “около 5 часов утра”. По словам генерала армии, Кребс ссылаясь на отсутствие у него полномочий для переговоров о капитуляции. Он также сообщал: “Кребс добивается перемирия якобы для того, чтобы собрать в Берлине правительство Дёница. Думаю, нам следует послать их к чёртовой бабушке, если они сейчас же не согласятся на безоговорочную капитуляцию”.

По словам Жукова, он поддержал Соколовского, добавив: “Передай, что, если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесём удар такой силы, который навсегда отобьёт у них охоту сопротивляться”. Далее Жуков писал: “В назначенное время ответа от Геббельса и Бормана не последовало. В 10 часов 40 минут наши войска открыли ураганный огонь по остаткам особого сектора обороны центра города”. Из мемуаров Жукова можно придти к выводу, будто визит Кребса был кратким, а Сталин вообще запретил вести какие-то переговоры.

Между тем наиболее полное описание переговоров с Кребсом имеется на 30 страницах книги Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова “Конец третьего рейха”. Чуйков отметил, что свидетелями переговоров стали также писатель Всеволод Вишневский, поэт Евгений Долматовский, композитор Матвей Блантер. Переговоры стенографировались. С немецкой стороны, помимо Кребса, в переговорах приняли участие полковник генерального штаба фон Дувфинг, выполнявший на переговорах обязанности адъютанта генерала, а также переводчик.

Из рассказа В. И. Чуйкова, подкреплённого стенографическими записями, складывается несколько иное впечатление о переговорах на его командном пункте, чем из воспоминаний Г. К. Жукова. Во-первых, Чуйков сообщал, что переговоры шли почти 10 часов. Во-вторых, он рассказал об установлении телефонной связи между германской рейхсканцелярией и командным пунктом 8-й гвардейской армии. В-третьих, на протяжении переговоров с Кребсом Чуйкову и Соколовскому не раз звонили некие вышестоящие лица. А ими могли быть Г. К. Жуков или И. В. Сталин. Стало быть, Сталин, сначала заявив, по словам Жукова, о недопустимости каких-либо переговоров, затем разрешил их продолжение и фактически участвовал в них.

Камнем преткновения на переговорах стало нежелание новых вождей рейха пойти на капитуляцию без согласия Дёница. Для этого были известные основания. Роли в триумvirате, сформированном Гитлером, не были чётко определены. Обращение к Сталину было написано рейхсканцлером Геббельсом, но он указывал, что действует по поручению Бормана. Полномочия Кребса были также подписаны Борманом. Дёниц же был назначен рейхспрезидентом, то есть на пост, который упразднили после смерти президента Веймарской республики Пауля фон Гинденбурга 2 августа 1934 г. Комментируя в своих воспоминаниях последние назначения Гитлера, бывший министр вооружений Германии Альберт Шпеер называл их “самыми абсурдными в его карьере государственного деятеля... Он не смог ясно определить, как это уже случилось в последние годы его жизни, кто обладает высшей властью: канцлер, или его кабинет, или же президент. Согласно букве завещания Дёниц не мог сместить канцлера или кого-либо из министров, даже если бы оказалось, что они не годятся для работы. Так важнейшая часть полномочий любого президента была отнята у него с самого начала”.

К тому же находившийся в Плёне гросс-адмирал получал скудную информацию о том, что происходило в бункере рейхсканцелярии в последние дни. Лишь через три часа после самоубийства Адольфа Гитлера и его жены 30 апреля в 18.35 Борман направил радиogramму Дёницу: “Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначил вас в качестве своего преемника. Вам высланы письменные указания. Немедленно примите меры, необходимые в этой ситуации”.

Никаких сообщений об уходе Гитлера из жизни гросс-адмирал не получил и считал, что высшая власть в Германии по-прежнему принадлежит фюреру. По этой причине он отправил в Берлин ответ, в котором выражал свою преданность Гитлеру. Дёниц писал: “Если по воле Судьбы... мне суждено править рейхом в качестве вашего преемника, я приложу все силы, чтобы исход этой войны был достоин героической борьбы немецкого народа”.

Соккрытие информации о самоубийстве Гитлера было вызвано тем, что Геббельс и Борман опасались Гиммлера, который находился в Плёне, где был и Дёниц. Очевидно, что, скрывая смерть Гитлера, его наследники считали, что пока Гиммлер считает фюрера живым, шеф СС не решится захватить власть. Не спешили они и обнародовать “Политическое завещание” Гитлера, в соответствии с которым Гиммлер был исключён из партии и лишён всякой власти. Скорее всего, они опасались, что преждевременная огласка лишь ускорит действия Гиммлера. Руководитель всемогущей эсэсовской организации

мог объявить переданное радиogramмой “Политическое завещание” Гитлера подложным, их – изменниками, а то и убийцами Гитлера. Геббельс и Борман вряд ли сомневались в том, что Гиммлер мог поставить Дёница под свой контроль или даже объявить себя главой Третьего рейха.

Положение Геббельса, Бормана и других было чрезвычайно шатким. Реальная власть наследников Гитлера распространялась лишь на несколько берлинских кварталов. Лев Безыменский привёл точные данные о территории, которую контролировало правительство Геббельса: “С севера на юг протяжённость империи составляла ровным счётом 1650 метров – от моста Вейдендамбрюкке до Принц-Альбрехт-штрассе; с запада на восток – 1150 метров – от Бранденбургских ворот до площади Шлоссплац”. Само правительство Германии, которое возглавлял Геббельс, представляло собой лишь видимость такового. Из 17 членов правительства, назначенных Гитлером, в Берлине имелись лишь трое: Геббельс, Борман и новый министр пропаганды Вернер Науман. Это объясняло настойчивое стремление наследников Гитлера собрать Дёница и всех членов правительства в Берлине, о чём постоянно говорил Кребс. Этим же объяснялись также их страхи, что инициативу в руководстве Германией может перехватить Гиммлер.

Для обоснования законности своего положения Геббельс и Борман располагали лишь “Политическим завещанием” Гитлера. Ссылаясь на него, Геббельс, Борман и их сторонники подчёркивали, что лишь они правомочны вести переговоры о капитуляции. Поэтому первыми, кто за пределами бункера узнали содержание политического завещания Гитлера, стали советские военачальники и Сталин. Заявления о том, что Геббельс и Борман предпочитали вести переговоры с СССР, объяснялись просто: у окружённых советскими войсками не было иного выхода, как капитулировать перед ними. Парадоксальным образом Геббельс, Борман и Кребс старались воспользоваться общей капитуляцией для того, чтобы продемонстрировать свое право говорить от лица всей Германии (то есть капитуляцией подтвердить легитимность своего правительства).

Кребс говорил Чуйкову и Соколовскому: “Полная и действительная капитуляция может быть решена легальным правительством. Если у Геббельса не будет договорённости с вами, то что получится? Вы должны легальное правительство предпочесть правительству предателя Гиммлера. Вопрос войны уже предрешён. Результат должен решаться с правительством, указанным фюрером”. По словам Чуйкова, Кребс, “волнуясь, уже почти кричит по-русски: “Изменник и предатель Гиммлер может уничтожить членов нового правительства!.. Гиммлер думает, что германские войска ещё могут быть силой против Востока. Он доложил об этом вашим союзникам. Нам это ясно, совершенно ясно!”

Кребс, Геббельс и другие не без основания полагали, что Советское правительство было готово принять капитуляцию у правительства, которое оказалось в берлинской ловушке, и тем самым завершить войну в считанные часы. В противном случае военные действия могли затянуться. При этом советские военачальники неизменно подчёркивали, что все переговоры об общей капитуляции должны происходить с участием всех союзников.

В то же время для Советского Союза был невыгоден захват власти Гиммлером, который уже вступил в тайные сепаратные переговоры с агентами западных держав. Поэтому прибывший на командный пункт В. Д. Соколовский, ссылаясь на Г. К. Жукова, предложил Г. Кребсу публично “объявить Г. Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам”. Заметно оживляясь, Кребс ответил: “Очень умный совет. Это можно сейчас же сделать. Конечно, с разрешения доктора Геббельса”. Кребс попросил разрешения послать полковника фон Дувфинга к Геббельсу.

Чуйков позвонил начальнику штаба и приказал обеспечить переход полковника и одновременно связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном, чтобы установить телефонную связь Геббельса с советским армейским командным пунктом.

При переходе линии огня группа, в которой были фон Дувфинг, немецкий переводчик и советские связисты, была подвергнута обстрелу с немецкой стороны, хотя полковник держал белый флаг. Несмотря на то, что командир советской роты связистов был смертельно ранен, связь с рейхсканцелярией была установлена. Правда, с немецкой стороны связь долго не работала.

И всё же после возвращения фон Дувфинга Кребс смог разговаривать с Геббельсом по телефону.

После долгих переговоров Кребс зачитал Геббельсу по телефону советские условия капитуляции:

1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.
4. Раненым обеспечивается помощь.
5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио”.

Геббельс потребовал возвращения Кребса, чтобы обсудить с ним все эти условия.

На прощание Кребсу было сказано: “Вашему правительству будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гиммлер – изменник, и заявить трём правительствам – СССР, США и Англии – о полной капитуляции. Мы, таким образом, частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства? Нет. Но даём вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных. Мы даём вам право после капитуляции сделать заявление Союзным Нациям. От них зависит дальнейшая судьба вашего правительства”. Кребсу было также сказано, что после капитуляции Берлина советские войска дадут немцам самолёт или автомашину, а также радиосвязь для установления контакта с Дёницецм.

Кребс: “Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будет рассматриваться как список военнопленных?”

Ответ: “Это обеспечено. Офицерам сохраним звания, ордена, холодное оружие. Мы даём право представить список членов правительства, право связи с Дёницецм. Но всё это после капитуляции”.

Кребс: “Итак, после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гиммлера?” Получив очередное подтверждение на этот счёт, Кребс, по словам Чуйкова, “заверил, что постарается обо всем быстро договориться. 13 часов 08 минут. Кребс ушёл”.

По словам Чуйкова, после прощания Кребс дважды возвращался “уже с лестницы: сперва он позабыл перчатки, которые положил на подоконнике вместе с фуражкой; однако фуражку-то он надел, а вот перчатки не взял. Второй раз Кребс вернулся под предлогом, что забыл полевую сумку, которой у него вообще не было. Он уверял, что принёс в ней документы от Геббельса и Бормана, хотя – я хорошо это помню – доставал бумаги из бокового кармана”.

Чуйков так объяснял поведение Кребса: “По глазам и поведению было видно – генерал колебался: идти ему обратно в пекло или первому сдаться на милость победителя. Возможно, ждал, что мы объявим его пленником, с чем он, возможно, охотно согласился бы”.

Во второй половине 1 мая в бункере рейхсканцелярии

После перехода Кребсом линии огня советские военачальники ждали ответа из рейхсканцелярии. Однако немцы молчали. Их молчание затягивалось.

Г. К. Жуков вспоминал: “В 18 часов В. Д. Соколовский доложил, что немецкое руководство прислало своего парламентаря. Он сообщил, что Геббельс и Борман отклонили требование о безоговорочной капитуляции. В ответ на это в 18 часов 30 минут с невероятной силой начался последний штурм центральной части города, где находилась имперская канцелярия и засели остатки гитлеровцев”.

Однако нет никаких документальных доказательств того, что руководители нового правительства на самом деле отвергли советские условия капитуляции. Указанный парламентар не предъявил никаких документов, свидетельствующих о том, что он действует по поручению Геббельса или Бормана. Не осталось никаких документов о заседании правительства Геббельса, на котором было принято решение отвергнуть советские условия.

Вечером 1 мая значительная часть обитателей бункера предприняла попытку прорыва из советского окружения. По оценке Уильяма Ширера, от 500 до 600 обитателей бункера, большинство из которых составляли эсэсовцы, в конечном счёте сумели прорваться. Они затем оказались в оккупационных зонах

союзников. Некоторые из них потом утверждали, что генералы Кребс и Бургдорф, а также чета Геббельсов не присоединились к группе прорыва, а покончили жизнь самоубийством. Сообщали, что перед самоубийством Магда Геббельс с помощью врача умертвила своих детей. Борман же, по словам бывших обитателей бункера, присоединился к участникам прорыва, но погиб в пути.

Однако никто не смог представить убедительные свидетельства того, как Кребс и Бургдорф покончили с собой. Их тела не были найдены.

Противоречивы свидетельства и о гибели Бормана по пути из бункера. Как убедительно доказал Лев Безыменский в книге “По следам Мартина Бормана”, заявления личного шофёра Гитлера Эриха Кемпки в его книге “Я сжёг Гитлера” опровергали его же показания на Нюрнбергском процессе о гибели Бормана от взрыва танка советским снарядом. Лидер “Гитлерюгенд” Артур Аксман, на которого ссылался У. Ширер, уверял, что Борман принял яд в ходе побега. Однако его тело никогда не было обнаружено. Мартин Борман, поисками которого занимались значительную часть XX века, исчез бесследно.

Было немало рассказано о самоубийстве Геббельса, его жены, а также убийстве их детей, трупы которых были обнаружены. В своей книге Х. Р. Тревор-Роупер привёл показания адъютанта Геббельса гауптсштурмфюрера СС Гюнтера Швагермана. Тот утверждал, что вечером 1 мая Геббельс вызвал его и сказал: “Швагерман! Случилось величайшее предательство. Генералы предали фюрера. Всё потеряно. Я умру вместе с моей женой и своей семьёй... Вы сожжёте наши тела. Можете это сделать?”

По словам Тревора-Роупера, Швагерман обещал это сделать. После этого адъютант направил шофёра Геббельса и эсэсовца за бензином. “Вскоре (было половина девятого вечера) Геббельс и его жена прошли через бункер. У начала лестницы они миновали Швагермана и шофёра Раха, который стоял с бензином. Они прошли мимо, не говоря ни слова, и поднялись по лестнице в сад. Почти немедленно прозвучали два выстрела. Когда Рах и Швагерман вышли в сад, они обнаружили два трупа на земле. Эсэсовский ординарец, который застрелил их, стоял рядом. Они послушно вылили четыре канистры бензина на трупы, зажгли их и ушли”.

Этой версии в основном придерживался и Уильям Ширер в своём труде по истории Третьего рейха. В то же время, полагаясь на другие свидетельства, историк рассказал о том, как супруги прощались со встретившимися им в коридоре людьми, а также уточнил, что по просьбе Геббельсов “эсэсовский ординарец выстрелил дважды им в затылок”.

Иным был рассказ о смерти Геббельса и его жены в книге бывшей военной переводчицы Елены Ржевской “Берлин. Май 1945”. Ржевская привела слова Хаазе, начальника госпиталя, расположенного вблизи от рейхсканцелярии: “Со слов первого сопровождающего врача Геббельса штандартенфюрера СС Штумпфеггера и доктора Кунца мне известно, что Геббельс и его жена вечером 1 мая совершили самоубийство, приняв сильнодействующий яд, какой именно, сказать не могу”.

Эти взаимоисключающие объяснения смерти супругов Лев Безыменский в своей книге соединил так: “Примерно в 21 час Йозеф и Магда Геббельс вышли из своей комнаты, надели пальто и пошли в сад. Раздался очередной выстрел: это кончилась жизнь Йозефа Геббельса”. (В примечании Лев Безыменский пояснял: “Утверждают, что он не застрелился, а дал команду его убить”.) “Рядом с ним упала Магда, проглотившая капсулу с ядом. На всякий случай охранник два раза прострелил оба тела и облил их бензином”.

Некоторые авторы предполагают, что будто супруги сначала отравились, а затем им были сделаны “контрольные выстрелы в головы”. Однако трудно предположить, что Йозеф и Магда Геббельсы сначала приняли яд, а затем в предсмертном состоянии попрощались с людьми в коридорах, поднялись по лестнице. Ведь действие яда было почти моментальным. Нелепым кажется и принятие ими яда уже в саду за секунды до роковых выстрелов эсэсовца.

Версию Швагермана, повторенную Тревором-Роупером, Ширером и многими историками, опровергает содержание медицинского протокола, составленного после осмотра тела Геббельса и процитированного Еленой Ржевской: “На обгоревшем трупе видимых признаков тяжёлых смертельных повреждений или заболеваний не обнаружено... При обследовании трупа установлено наличие запаха горького миндаля и обнаружены кусочки ампулы во рту”. Ржевская привела также “данные химического анализа”: “Химическим исследова-

дованием внутренних органов и крови определено наличие цианистых соединений. Таким образом, необходимо сделать вывод, что смерть... наступила в результате отравления цианистыми соединениями". Ржевская добавляла: "К такому же выводу пришли относительно причин смерти Магды Геббельс".

Из этого неопровержимого свидетельства следует, что показания о расстреле четы Геббельсов "по их желанию" вымышлены. Стало быть, придуманы также монолог Геббельса, рассказ о проходе четы Геббельсов по лестнице в сад и прочем. Неспешный проход супругов по коридору, их прощание с различными людьми, подъём по пустынной лестнице навстречу смерти, которая их поджидала примерно в 20.30, могли происходить в уединённом загородном замке. Между тем с 18.30 начался последний этап советского наступления на рейхсканцелярию. На бункер падали бомбы. Советская артиллерия вела по нему прицельный огонь. Внутри скопилось около 500–600 человек, которые, по словам очевидца, вели себя как курицы с отрезанными головами. Трудно себе представить, что здесь могла разыграться торжественная сцена двойного самоубийства в стиле оперного спектакля.

Обращает на себя внимание и другая несообразность: от самоубийц не осталось никаких прощальных записок или завещаний. Не оставили их ни Кребс, ни Бургдорф, ни Геббельс.

Последнее особенно странно. Известно, что Геббельс в течение нескольких лет ежедневно наговаривал стенографисткам заметки о текущих делах для своего дневника. При этом описание событий каждого дня занимало в изданных затем "Дневниках" от 5 до 15 книжных страниц. Однако на сей раз Геббельс почему-то не удосужился оставить хотя бы пару строк, в которых объяснил бы отказ принять советские условия капитуляции, а также своё намерение покончить жизнь самоубийством и убить своих детей. Загадочным является и исчезновение дневников Геббельса после 10 апреля 1945 года.

Зато имеются документы, которые можно однозначно истолковать как свидетельства того, что после возвращения Кребса с командного пункта Чуйкова Борман и Геббельс приняли энергично действовать, готовя встречу с Дёницем, а не со смертью.

В своей книге Л. Безыменский привёл ряд радиограмм, направленных из бункера. 1 мая в 7.40 Дёниц получил радиограмму от Бормана, которая гласила: "Завещание вступило в силу. Я прибуду к вам так скоро, как возможно. До этого, по-моему, ничего не следует предпринимать". Следующая радиограмма, полученная Дёницем в 14.46, гласила: "Рейхслейтер Борман прибудет к вам уже сегодня, чтобы объяснить обстановку". Скорее всего радиограмма свидетельствовала о готовности нацистов воспользоваться советским предложением пропустить их к Дёницу, воспользовавшись самолётом или автомашиной. Ведь в радиограмме нет ни намёка на трудности прорыва через советское окружение, а уверенно сказано о прибытии Бормана 1 мая.

Наиболее чёткие указания были даны в радиограмме из бункера рейхсканцелярии, которая была отправлена Дёницу в 15.18 Геббельсом и Борманом. Наконец наследники Гитлера решились сообщить о факте смерти Гитлера, хотя и не уточняя, как это случилось. Радиограмма гласила: "Гросс-адмиралу Дёницу. (Совершенно секретно! Передавать только через офицера). Фюрер умер вчера в 15.30. Завещание от 29 апреля назначает вас рейхспрезидентом, министра Геббельса рейхсканцлером, рейхслейтера Бормана партийным министром, министра Зейсс-Инкварты министром иностранных дел. По приказу фюрера завещание направляется из Берлина вам и фельдмаршалу Шёрнеру для того, чтобы обеспечить его сохранение для народа. Рейхслейтер Борман попытается прибыть к вам сегодня и проинформировать об обстановке. Вы должны сами решить, когда и в какой форме сообщить об этом в печать и войскам. Подтвердите получение. Геббельс. Борман".

Комментируя последнюю радиограмму, У. Ширер писал: "Геббельс не счёл необходимым проинформировать нового вождя о своих намерениях". Ширер исходил из того, что уже к этому времени Геббельс решил покончить жизнь самоубийством. Между тем из списка членов правительства, направленного Дёницу, следовало, что Геббельс является рейхсканцлером Германии. Почему он не сообщил Дёницу, что тот должен взять на себя всю полноту власти и действовать без рейхсканцлера? Почему бы не предположить, что Геббельс не информировал Дёница о своих планах покончить жизнь самоубийством, потому что таких намерений у него не было...

Очевидно, что многие сведения о последних часах правительства Геббельса — Бормана и их руководителей, а также Кребса и Бургдорфа, которые используются до сих пор в работах по истории гитлеровского рейха, туманны, путаны, противоречивы, а потому вызывают сомнения.

Что же на самом деле произошло в бункере?

Противоречивые объяснения обстоятельств последних часов существования правительства нацистской Германии в Берлине и его руководителей заставляют искать иные версии того, как на самом деле происходила агония Третьего рейха.

Совершенно очевидно, что решение прервать переговоры с советской стороной было принято вскоре после возвращения Кребса. Однако нет никаких документальных оснований считать, что это решение было принято Геббельсом, Борманом и их единомышленниками. Резкая перемена произошла после 15.18, когда была отправлена радиogramма Дёницу из бункера, в которой, как указывалось выше, речь шла о завещании Гитлера и скорой встрече с гросс-адмиралом. Эта радиogramма была последним посланием от Геббельса и Бормана. После 15.18 ни один из них уже не общался ни с Дёницем, ни с кем-либо за пределами бункера. Можно предположить, что по каким-то причинам у них была отнята такая возможность.

Посмотрим, как прореагировал получатель этого послания в Плёне. Дёниц отнюдь не воспринял радиogramму Геббельса и Бормана как прощальную записку людей, готовых покончить с собой или идущих на смертельный риск. Шпеер утверждал, что, прочтя радиogramму, Дёниц был возмущён ограничением своих полномочий. По словам Шпеера, Дёниц воскликнул: “Это невозможно!” и спросил: “Кто ещё видел радиogramму?” Оказалось, что, кроме присутствовавших, её видели лишь радист и адъютант гросс-адмирала Людде-Нейрат. Тогда Дёниц приказал взять у радиста клятвенное обещание хранить молчание. Радиogramма была заперта в сейф.

“Что мы будем делать, если здесь на самом деле появятся Геббельс и Борман? — спросил Дёниц. И, не дожидаясь ответа, сказал: — В любом случае я совершенно отказываюсь сотрудничать с ними”. Шпеер писал: “Этим вечером мы оба решили, что Борман и Геббельс должны быть арестованы”.

Почему беспартийный гросс-адмирал Дёниц, который до самоубийства Гитлера и помышлять не мог о занятии высшего поста в нацистском государстве, в считанные часы встал на путь беспощадной борьбы с теми, кто до тех пор занимал значительно более крупные посты в иерархии рейха? Скорее всего, за решением Дёница арестовать Геббельса и Бормана стояла воля человека, который уже давно видел себя на посту нового фюрера Третьего рейха, — воля Гимmlера. Очевидно, что уверенность Гимmlера в том, что он в ближайшее время возглавит правительство, основывалась на том, что рейхсфюрер СС постоянно получал достаточно полную информацию о событиях в нацистских верхах и имел в своём распоряжении достаточно мощные рычаги, чтобы воздействовать на их развитие.

Судя по воспоминаниям Шелленберга, ему сообщили о самоубийстве Гитлера 1 мая в 4 часа утра, как только он прибыл из Любека в штаб СС в Плёне. Очевидно, новость в Плён пришла ещё раньше. Если это так, то это доказывает, что кто-то из бункера сумел оповестить об этом штаб СС до того, как от Бормана и Геббельса пришла соответствующая радиogramма. Возможно, эти люди могли поддерживать связь по радиации из бункера без ведома Геббельса и Бормана.

Шпеер создаёт впечатление, что решение об аресте Геббельса и Бормана было принято, когда он был наедине с Дёницем. Между тем из воспоминаний Шелленберга следует, что 1 мая Гимmlер “встретился в Плёне с адмиралом Дёницем, новым главой германского государства, и они до поздней ночи обсуждали вопрос о том, какой политики следует придерживаться в ближайшем будущем”. Скорее всего, решение арестовать Бормана и Геббельса было принято Дёницем по настоянию Гимmlера, который в это время был с ним.

Радиogramма, посланная Геббельсом и Борманом 1 мая в 15.18, вряд ли случайно стала переломным моментом в развитии событий в берлинском бункере. Для Гимmlера она явилась сигналом к действию против своих соперни-

ков. В случае, если бы наследники Гитлера – Геббельс и Борман – прибыли в Плён, они были бы арестованы. Но скорее всего рейхсфюрер СС имел возможность направлять действия в нужном русле в самом бункере и нанести там удар по своим политическим конкурентам, опиравшимся на завещание Гитлера.

Борьба за власть в нацистских верхах вокруг гитлеровского завещания началась сразу после его написания, ещё в последние часы жизни фюрера. Поэтому 29 апреля Борман направил Дёницу и Шёрнеру копии обязательного к исполнению законодательного документа о назначении Геббельса главой правительства, Бормана – фактическим лидером партии, и об изгнании Геринга и Гимmlера из верхов нацистского государства. Курьерами были военный адъютант Гитлера майор Вилли Иоханнмейр, офицер СС и советник Бормана Вильгельм Зандер и чиновник министерства пропаганды Хайнц Лоренц.

Однако все три курьера, успешно преодолев советские позиции в трёх полосах окружения, не прибыли ни к Дёницу, ни к Шёрнеру. Позже Тревор-Роупер, ссылаясь на их рассказы, подробно расписал трудности, которые якобы встретили курьеры на своём пути. Они почему-то долго плыли по озеру Хавель на захваченной ими байдарке, которая перевернулась именно в тот момент, когда их будто бы должен был подобрать гидросамолёт, посланный от Дёница. Затем они долго брели до Эльбы и попали на территорию, оккупированную англо-американскими войсками. У. Ширер писал: “Майор Иоханнмейр в конце концов зарыл копию этого документа в саду своего дома в Изерлоне в Вестфалии. Зандер спрятал свою копию в сундук, который оставил в баварской деревне Тегернзее”. Скрыл свою копию и Лоренц. Однако, как писал Ширер, “будучи журналистом”, Лоренц “был слишком словоохотлив, чтобы хорошо хранить свой секрет. Его несдержанность привела к обнаружению у него копии, а затем и к разоблачению остальных курьеров”. В результате того, что копии завещания были долгое время скрыты, в начале мая 1945 г. в Германии почти никто не знал о нём.

Никого из тех, кто засвидетельствовал “Политическое завещание” Гитлера (Геббельс, Борман, Кребс, Бургдорф), никто и никогда не видел в живых после 1 мая. (Если не считать спорных свидетельств о встречах с живым Борманом после 1945 г.) Кроме них никто не мог подтвердить подлинность этого документа.

Отсутствие трупов Кребса, Бургдорфа и Бормана может свидетельствовать о том, что кто-то позаботился о тщательном уничтожении следов их убийства. В то же время сомнительная версия о самоубийстве Геббельсов рождает предположение об их насильственном уничтожении. Видимо, те, кто распространял версию о расстреле Геббельсов “по их желанию”, не были свидетелями того, как на самом деле они умерли, но знали, что супругов должны были убить из пистолета. Такой рассказ позволил бы объяснить наличие пулевых отверстий в затылках супругов. Возможно, что Геббельсы сумели опередить убийц, приняв яд. Также не исключено, что исполнители приказа об их расстреле дали возможность супругам отравиться. Поэтому предполагавшихся “очевидцами” ран в их головах при медицинском освидетельствовании не было обнаружено.

Возможно, такой же выбор был предложен Геббельсам и относительно их детей. При этом нельзя исключать того, что Магда Геббельс на самом деле участвовала в их отравлении, зная, что в противном случае её дети будут подвергнуты жестокой казни. В любом случае, скорее всего отравление семьи Геббельсов было осуществлено по принуждению лиц, которые затем постарались создать впечатление, будто они были к этому не причастны.

Известно, что значительную часть обитателей бункера составляли эсэсовцы, поднаторевшие в подобных делах. Они были преданы Гимmlеру и поддерживали его попытки добиться мира с западными союзниками. В бункере могли находиться и люди Гимmlера, причастные к переговорам с англичанами о передаче немецких войск в их распоряжение.

Не исключено, что эсэсовцы предпринимали попытки сорвать переговоры 1 мая. Сопротивление этим переговорам проявилось в обстреле группы советских связистов, которые шли от командного пункта Чуйкова вместе с полковником фон Дувингом и немецким переводчиком. Разумеется, это был далеко не первый случай во время Великой Отечественной войны, когда немецкие военнослужащие стреляли по советским парламентарам и уби-

вали их. Однако на сей раз огонь вели по группе, в которой были немцы, включая полковника фон Дюфвинга. Произошёл ли этот обстрел из-за вопиющего нарушения воинской дисциплины, столь необычного для немецкой армии, или же это было следствием умышленной попытки сорвать переговоры с советской стороной? Не вследствие ли саботажа эсэсовцев долго не работала телефонная связь между командным пунктом Чуйкова и рейхсканцелярией?

Условия капитуляции, согласованные на командном пункте Чуйкова, могли вызвать яростное сопротивление эсэсовцев, хотя бы потому, что Кребс согласился объявить Гимmlера предателем по советскому радио. Судьба же Фегеляйна могла их убедить в том, что руководители нового правительства могут начать уничтожение эсэсовцев.

Но кто же мог возглавить организацию выступления эсэсовцев против Геббельса, Бормана и их сторонников внутри бункера? Это мог сделать лишь достаточно авторитетный нацистский руководитель. Кроме Геббельса и Бормана, в бункере оставался ещё один член правительства – новый министр пропаганды доктор Вернер Науман. Он долго работал личным референтом Геббельса, а затем до 30 апреля 1945 г. был статс-секретарём министерства пропаганды.

Исходя из того, что Геббельс добровольно покончил жизнь самоубийством, Эрнст Генри писал: “Геббельс... был обязан тут же кому-то передать свои полномочия. Его отношения с Борманом были не из блестящих: Геббельс втайне презирал секретаря-лакея Гитлера, мешавшего ему встречаться с фюрером наедине. В однодневное правительство Геббельса входили двое близких ему людей: его прежний заместитель в министерстве пропаганды Науман и его бывший адъютант Ханке, эсэсовский генерал, назначенный в завещании Гитлера главой СС и начальником полиции взамен преданного анафеме Гимmlера. Это была одна клика. (Ханке и Науман были к тому же связаны друг с другом по совместной службе в Силезии.) Эсэсовца Ханке в Берлине во время крушения Третьего рейха не было, он находился в Силезии и спустя несколько недель был там убит. Из всех оказавшихся в столице членов правительства Геббельса “динамический” молодой эсэсовец Науман был единственным, кому Геббельс мог доверять достаточно, чтобы передать ему свои полномочия”.

Но именно Науман, по утверждению того же Э. Генри, признавал: “был личным эмиссаром Гимmlера при Геббельсе”. В своих действиях по устранению политических соперников Гимmlера Науман мог опираться на дисциплинированную эсэсовскую организацию и её членов среди обитателей бункера.

Дальнейшая судьба Наумана показывает, что этот человек располагал мощной поддержкой неких тайных организаций, способствовавших распространению неонацизма в послевоенной Западной Германии. Очевидно, что усилия Наумана по устранению соперников Гимmlера были впоследствии оценены недобрыми эсэсовцами. По словам Эрнста Генри, “именно Науман стал послевоенным фюрером нацистов”. Вернувшись в Западную Германию в 1950 г. вскоре после создания ФРГ, Науман предпринял шаги для становления неонацистских политических партий. Знаменательно, что в окружении неонацистов Наумана оказался бывший лидер “Гитлерюгенд” Аксман, бежавший с ним из бункера.

Скорее всего Гимmlер не только приказал Дёницу арестовать Бормана и Геббельса в случае их появления в Плёне, но и отдал приказ Науману или другим эсэсовцам в бункере арестовать своих политических соперников и всех, засвидетельствовавших “Политическое завещание” Гитлера, а затем уничтожить их. Опасения Кребса, что “Гимmlер может уничтожить членов нового правительства”, не были напрасными. В то же время не исключено, что послушные воле Гимmlера Науман и другие эсэсовцы действовали по своей инициативе, исходя из общих интересов “чёрного ордена” СС.

В условиях мощного артиллерийского обстрела и бомбардировки, а также хаоса и неразберихи, которые царили в бункере, истерической паники, охватившей его обитателей, действия небольшой, но хорошо организованной группы профессиональных убийц в замкнутых комнатах многоэтажного подземного помещения могли быть осуществлены достаточно быстро и незаметно. Подавляющее число обитателей бункера были слишком озабочены спасением своей жизни, чтобы вдумываться в происходящее с другими.

В результате соперники Гиммлера были уничтожены. Капитуляция войск, окружённых в Берлине, а также общая капитуляция Германии были сорваны. Вместе с другими обитателями бункера Науман и многие эсэсовцы сумели выбраться из Берлина за несколько часов до решения генерала Вейдлинга о капитуляции окружённых в Берлине немецких войск.

Теперь в Плёне были лишь Риттер фон Грейм и Ханна Рейч, которые могли доказать “измену Гиммлера”. Однако 2 мая фон Грейм весьма кстати “покончил жизнь самоубийством”. Правда, Рейч уверяла, будто она лично встретила с Гиммлером и сурово осудила его за “предательство фюрера”. С явным недоверием к её рассказу Тревор-Роупер писал: “Нас ошастливили ярким, но, возможно, неточным отчётом о беседе Рейч с Гиммлером. Главная героиня, словно на театральной сцене, произносит страстные обвинения, но они не трогают толстокожего негодяя из этой театральной постановки. А затем весьма кстати подоспевший воздушный налёт драматично прерывает этот спор”.

После продолжительной дискуссии Гиммлера и Дёница последний выступил по гамбургскому радио. Лишь через 7 часов после получения им радиogramмы из Берлина в радиообращении к народу Германии 1 мая в 22.20 Дёниц сообщал о “героической смерти Гитлера”. Иронизируя на этот счёт, Ширер в то же время признал, что гросс-адмирал из скрупул радиogramм на самом деле не знал обстоятельства ухода Гитлера из жизни. В своём выступлении Дёниц представил себя преемником Гитлера, но ни слова не сказал о других назначениях в соответствии с гитлеровским завещанием.

Это обращение отвечало проводившемуся до тех пор курсу Гиммлера на одностороннюю капитуляцию перед англо-американскими войсками. Дёниц ясно давал понять, кто является главным врагом нацистского рейха. Он говорил: “Моей первой задачей является спасение Германии от разрушения продвигающимся вперёд большевистским врагом. Для осуществления этой цели вооружённая борьба будет продолжаться. Поскольку реализации этой цели мешают англичане и американцы, мы будем вынуждены осуществлять нашу оборонительную борьбу также и против них. В этих условиях англо-американцы будут продолжать войну не за свои народы, а только ради распространения большевизма в Европе”.

Попытки украсть Победу

2 мая Дёниц перевёл свой штаб из Плёна во Фленсбург, расположенный на границе с Данией. Туда же переместил свой штаб и Гиммлер. Тревор-Роупер писал: “Его огромная охрана не была сокращена; за ним следовала вереница штабных машин; вокруг него толпились высшие эсэсовские офицеры... Делясь мыслями со своими подчинёнными, которые затем не стали их скрывать, Гиммлер упомянул о своей заветной цели: стать премьер-министром поверженной Германии под руководством Дёница. При этом Гиммлер давал понять, что не обязательно он будет оставаться под начальством Дёница. Он намекал на то, что Дёниц стар, а его, Гиммлера, ждёт ещё немало лет жизни и долгое пребывание у власти”. Хотя очевидно, что Гиммлер был моложе Дёница (первому было 44, а второму — 53 года), гросс-адмирал не был в ту пору дряхлым стариком. Рейхсфюрер СС не смог предвидеть того, что Дёниц умрёт в 1981 году на 90-м году жизни, в то время как Гиммлеру не было суждено дожить до конца мая 1945 года.

Хотя Гиммлер торжествовал победу над своими политическими противниками, территория, находившаяся под контролем правительства во Фленсбурге, стремительно сокращалась. Дёниц и его военно-морское окружение, а также военачальники на различных участках Западного фронта исходили из невозможности продолжения военных действий.

После переговоров 4 мая верховное германское командование объявило о капитуляции перед английскими войсками Монтгомери всех частей, расположенных в северо-западной Германии, Дании и Нидерландах. 5 мая капитулировала группа армий под командованием фельдмаршала Кессельринга. В тот же день в штаб Эйзенхауэра прибыл представитель от Дёница. На сей раз речь шла об общей капитуляции. Обратившись к англо-американцам, немцы пытались добиться того, чтобы максимально большое количество их войск сдалось западным союзникам.

Стремление западных союзников перехватить Победу у СССР при поддержке нацистских лидеров во главе с Гиммлером, пытавшихся капитулировать лишь перед англо-американцами, привело к подписанию акта о безоговорочной капитуляции американским генералом Смитом и Йодлем в Реймсе 7 мая. Советский представитель при штабе Эйзенхауэра генерал-майор И. А. Сулопаров был приглашён для подписания лишь как свидетель.

Советское правительство добилось того, чтобы подписание акта о безоговорочной капитуляции состоялось в Берлине. В ночь с 8 на 9 мая в Карлсхорсте (восточной части Берлина) акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил был подписан начальником штаба Верховного главнокомандования Германии генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем. Капитуляцию принял от СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а также командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс, маршал авиации британских вооружённых сил Артур В. Теддер, главнокомандующий французской армии генерал Делатр де Тассиньи. Так, несмотря на то, что подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии в Берлине правительством Гейделя было сорвано эсэсовцами, роль нашей страны и Красной армии в достижении Победы получила полное признание.

В выступлении по радио 9 мая Сталин объявил акт о безоговорочной капитуляции в Реймсе “предварительным”, а “окончательным” — тот, что был подписан в Берлине.

Но и после этой попытки украсть Победу английские союзники продолжали сохранять в неприкосновенности взятые ими в плен вооружённые части вермахта. То, чего добивался Гиммлер во время переговоров через посредство Бернадотта, воплощалось в жизнь. В английской зоне оккупации немецкие военные части не были расформированы. Около 1 миллиона солдат и офицеров вермахта не были переведены на положение военнопленных. С некоторыми из них проводились занятия по боевой подготовке.

Однако уже по мере приближения часа капитуляции становилось ясно, что попытки Гиммлера и возглавляемых им эсэсовцев удержаться у руководства побеждённой Германией безнадежны. Военные, окружавшие Дёница, жаждали избавиться от тех, кто преследовал их после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, кто уничтожал их коллег и близких к ним людей. Для западных держав Гиммлер и его люди были уже не нужны. Более того, зловещая фигура рейхсфюрера СС в правительстве Дёница мешала Западу говорить о торжестве дела демократии.

6 мая в разгар переговоров в Реймсе о безоговорочной капитуляции Дёниц направил Гиммлеру письмо: “Дорогой господин имперский министр! Учитывая нынешнюю ситуацию, я решил отказаться от дальнейшего сотрудничества с Вами в качестве имперского министра внутренних дел, члена имперского правительства, главнокомандующего резервной армии и главы полиции. Я объявляю все ваши должности упразднёнными. Я благодарю Вас за службу, которую Вы осуществляли ради Рейха”.

И всё же Гиммлер продолжал надеяться на то, что он будет востребован западными державами. Он не отправлялся в бега, подобно Шелленбергу, который уже перебрался в Швецию. По словам Тревор-Роупера, “он сохранял претенциозную службу: штат из 150 человек, радиоотряд, 4 машины с охранниками... Он написал письмо фельдмаршалу Монтгомери и каждый день осведомлялся, не пришёл ли ему ответ”. Для этого у него были веские основания.

14 мая У. Черчилль направил меморандум в министерство иностранных дел Великобритании, в котором предлагал использовать правительство Дёница в интересах держав Запада. Прибывший в середине мая 1945 г. во Фленсбург для выполнения приказа И. В. Сталина об аресте правительства Дёница генерал Н. М. Трусев вспоминал: “Оказавшись за Кильским каналом, мы как бы попали в довоенную фашистскую Германию: всюду видны старые названия улиц, фашистские указатели, кругом свастики, фашистское приветствие поднятием руки и масса немецких военных в сухопутной, эсэсовской и морской форме, все при орденах, со знаками различия. Было очевидно: здесь в полной мере продолжали существовать гитлеровский порядок, действовали фашистские законы... Во Фленсбургском порту находились много немецких вооружённых военных кораблей. Экипажи этих кораблей жили обычной жизнью, уходили на берег, возвращались из городского отпуска. На кораблях от-

бывались склянки и развевались немецкие флаги со свастикой. Во Фленсбурге находилось и продолжало функционировать верховное командование фашистской Германии (ОКВ) во главе с генерал-полковником Йодлем – начальником штаба оперативного руководства”. Когда Н. М. Трусов вошёл в кабинет Дёница, то увидел “на стене портрет Гитлера. При нашем появлении Дёниц встал из-за стола и пытался приветствовать нас традиционным жестом гитлеровцев”. Н. М. Трусов возмущался: “Как будто не было ни поражения, ни подписания 8 мая акта о безоговорочной капитуляции. Нам тогда показалось, что нацистам оставлена эта территория преднамеренно, даётся возможность сохранить кадры, переждать “ненастые””.

Однако после отставки положение Гимmlера во Фленсбурге стало шатким. Тогда Гимmlер решил, что надо скрываться. 10 мая он покинул Фленсбург вместе с частью своих приближённых. 23 мая в день ареста Дёница и других членов его правительства британский патруль задержал Гимmlера в городе Люнебург. Во время обыска рейхсфюрер СС принял яд и, несмотря на попытки спасти ему жизнь, скончался.

Однако смерть Гимmlера не положила конец усилиям западных держав сохранить в неприкосновенности те силы в Германии, которые могли быть использованы против Советского Союза. Об этом свидетельствовал, в частности, примечательный обмен репликами между Сталиным и Черчиллем, состоявшийся на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.).

В ходе обсуждения темы о нехватке угля и нехватке рабочей силы для его добычи в Западной Европе Сталин сказал, что в СССР сейчас используется труд военнопленных для работы в шахтах, а затем заметил: “400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила”. Осознав истинный смысл заявления Сталина, Черчилль тут же стал оправдываться: “Я не знал, что они не разоружены. Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не знаю точно, каково там положение, но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Во всяком случае, я наведу справки”.

Однако Сталин не ограничился своим замечанием, а в конце заседания передал Черчиллю меморандум относительно имеющихся в Норвегии не разоружённых германских войск. Черчилль вновь стал оправдываться: “Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска”. Ответ Сталина (“Не сомневаюсь”) был произнесён с очевидно ироничной интонацией, а потому вызвал смех. Продолжая оправдываться, Черчилль заявил: “Мы не держим их в резерве, чтобы потом выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу”.

Лишь в 1954 году, когда Черчилль вновь стал премьер-министром, он признал: “Полагаю, что я был первым из известных деятелей, открыто заявившим о том факте, что мы должны иметь Германию на своей стороне против русской коммунистической агрессии. Ещё до того, как кончилась война, в то время когда немцы сдавались сотнями тысяч, а улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая ему тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его можно было легко снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось”.

На Потсдамской конференции Сталин нашёл удачный способ объявить союзику о том, что он знает о его вероломных действиях, и вынудил его фактически признать факт нарушения Англией союзнических обязательств. Кроме того, Сталин понимал, что в то время США не поддержат попыток Черчилля развязать войну против СССР.

Зная от наших разведчиков о создании американцами атомного оружия, Сталин не исключал того, что теперь союзники попытаются использовать эту козырную карту для пересмотра итогов Второй мировой войны. Об этом свидетельствовало сообщение Трумэна об успешном испытании атомной бомбы, которое американский президент сделал Сталину в перерыве конференции в присутствии Черчилля. В то же время Сталин знал, что американцы ещё не уверены в том, что с помощью атомной бомбы они поставят Японию на колени. А поэтому Трумэн каждый день своих встреч со Сталиным начинал с вопроса о том, когда СССР объявит войну Японии. Ведь трёхмесячный срок для начала войны с Японией после капитуляции Германии, определённый Стали-

ным в Ялте, истекал сразу после завершения Потсдамской конференции. Лишь получив окончательное подтверждение Сталина о вступлении СССР в войну против Японии, Трумэн в письме жене написал, что тем самым достигнута главная цель, которую он перед собой ставил на конференции, и что он думает “об американских парнях, жизнь которых будет теперь сохранена”.

Очевидно, что обвинения Сталиным союзников в вероломстве, которые он не раз высказывал на протяжении войны, были не напрасными. Развязывание западными державами “холодной войны”, начавшаяся подготовка атомных бомбардировок СССР показывали, что расчёты Гитлера, а затем Гиммлера на вооружённое столкновение между союзниками по антигитлеровской коалиции не были столь уж химерическими.

Пытаясь пересмотреть итоги Второй мировой войны, закреплённые в Ялтинских и Потсдамских соглашениях, бывшие союзники стали также переписывать историю войны. Хотя попытки украсть Победу и не допустить капитуляции Германии перед СССР провалились, стали предприниматься усилия с целью “доказать”, что главными победителями Германии были США и Англия. По мере того, как Победа становилась далёкой историей, события в начале мая 1945 года искажались в различных публикациях. Если Черчилль, вслед за Эйзенхауэром, в воспоминаниях назвал подписание акта о безоговорочной капитуляции при участии Г. К. Жукова лишь “ратификацией” акта в Реймсе, то в последующем память о событиях в Берлине в полночь с 8 на 9 мая постарались вычеркнуть из истории. В огромной монографии об истории нацистского рейха У. Ширер ни слова не сказал о подписании акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил в Берлине. Об этом не говорится и в учебниках по истории, выпущенных в западных странах.

К сожалению, минимум информации содержится и в новейших российских школьных учебниках истории. “8 мая Германия капитулировала”, – вот и всё, что сказано в учебнике для 9 класса общеобразовательных учреждений “Всеобщая история. Новейшая история. XX век” (Н. В. Загладин; М., “Русское слово”, 2009). В учебнике “Новейшая история зарубежных стран. 9 класс” (А. М. Родригес, М. В. Пономарёв, И. Н. Селиванов, Л. А. Каримова, Л. С. Никулина; М., “Владос”, 2003) говорится: “8 мая Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции”. В учебнике “История России. XX – начало XXI века. 11 класс” (А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко; М., “Просвещение”, 2008) написано: “В ночь на 9 мая 1945 г. представители германского командования подписали Акт о безоговорочной капитуляции”. Ни слова о том, что капитуляция была подписана в Берлине и принята Г. К. Жуковым.

Правда, в учебнике “История. Государство и народы России. 9 класс” (А. А. Данилов, Л. Г. Кросулина; М., “Просвещение”, 2007) сказано о подписании акта о безоговорочной капитуляции в Карлсхорсте, предместье Берлина, которая была принята Г. К. Жуковым. Этот факт отмечен также в учебнике для общеобразовательных учреждений “Всеобщая история. XX – начало XXI века. 11 класс” (Л. Н. Алексашина; Москва, “Мнемозина”, 2008) и в учебнике “История России. XX – начало XXI века. 11 класс” (Н. В. Загладин, С. Н. Козленко, С. Т. Минаков, Ю. А. Петров; “Русское слово”, 2008). При этом в последних двух учебниках рассказано про попытки подменить капитуляцию в Берлине односторонней капитуляцией в Реймсе.

Однако школьники не могут получить достаточно информации о попытках Гитлера и гитлеровцев при поддержке западных держав украсть Победу у нашей страны. В учебниках ни слова не написано о тайных переговорах западных держав с гитлеровцами о сепаратном мире или односторонней капитуляции. Учащиеся могут придти к выводу, что сюжет сериала “Семнадцать мгновений весны” не имеет никакого отношения к историческим фактам. Лишь из учебника Л. Н. Алексашиной школьники могут узнать про директиву Черчилля для Монтгомери о сохранении боеготовности немецких частей, взятых в плен, для возможного продолжения военных действий против СССР.

Зато в учебниках уделено много внимания реальным и мнимым ошибкам и просчётам советского руководства в годы войны. Авторы же некоторых учебников, фактически солидаризируясь с соответствующими решениями ПАСЕ и ОБСЕ, убеждают школьников и студентов в идентичности советского строя и нацистского. Так, в учебнике “Отечественная история” (Москва, “Гардарики”, 2007; под редакцией профессора Р. В. Дегтярёвой и профессора

С. Н. Полторака), допущенном Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, утверждается: “Сталинизм и гитлеризм во многом были похожи”.

Постоянно прибегая к использованию ярлыка “тоталитаризм”, авторы ряда учебников стирают грань между фашистскими режимами в Западной Европе и советским строем. Ученики школ профессионально-технического образования обязаны заучить десять признаков “тоталитарного политического режима” в СССР, которые сформулированы в учебнике “Истории России” (под общей редакцией П. С. Самыгина; М., “Проспект”, 2007). Но если между СССР и нацистской Германией не было разницы, то не правы ли были Черчилль и другие, пытавшиеся нанести удар по СССР после поражения нацистской Германии? Спрашивается: а не прав ли был Гиммлер, который был готов служить в “поверженной Германии” западным державам и помогать им вести войну против Советского Союза?

Вряд ли можно признать случайным, что в учебниках, да и в академических исследованиях, обойдены вниманием драматические события 1 мая 1945 года, в ходе которых эсэсовцы во главе с Гиммлером пытались помешать капитуляции перед нашей страной и развязать против неё военные действия вместе с западными державами. Между тем невнимание к событиям майских дней 1945 года способствует сохранению сомнительных версий, скрывающих правду об острой политической борьбе внутри нацистского руководства и коварных действиях западных союзников против нашей страны. Не считая свою версию этих событий абсолютно безупречной, автор в то же время убеждён, что изучение последних дней Третьего рейха позволяет увидеть, на какие ухищрения шли враги народов нашей страны, чтобы отнять у них право на Победу. Он также убеждён в том, что обращение к далёкой истории позволяет обнаружить сходство между врагами нашей страны 1945 года и её сегодняшними недоброжелателями, искажающими историю Великой Отечественной войны и Великой Победы.